

ТРУДОВЫЕ БУДНИ «ДЖЕНТЛЬМЕНОВ УДАЧИ» ПЕРИОДА ХРУЩЕВА: МАХИНАТОРЫ, НЕЛЕГАЛЬНЫЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ, СПЕКУЛЯНТЫ

© Р. А. Хазиев

Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450074г. Уфа., ул. 3. Валиди, 32.
Тел./факс: +7 (347) 273 67 78.
E-mail: khazievra@mail.ru

Археографическая обработка впервые вводимого в научный оборот значительного массива рассекреченных архивных документов дает возможность рассмотреть ряд ключевых вопросов, связанных с раскрытием закономерностей роста коррупционных явлений среди различного ранга партийно-хозяйственных управленцев Урала в 1953–1964 гг. В статье определяются основные причины, способствовавшие созданию благоприятной среды для появления махинаторов, подпольных предпринимателей, спекулянтов, неформальных экономических структур, функционировавших под прикрытием партийно-государственных структур, а также правоохранительных органов. Автор выявляет региональные особенности разрастания неформальных экономических отношений, борьбы государства с хозяйственно-корыстными преступлениями, дает оценку ее эффективности. Существенное внимание уделяется разразившемуся в послевоенную эпоху моральному кризису, поразившему советское общество, что нашло отражение в деформации общественного сознания, фиксировавшего явное противоречие между государственной риторикой и реальной повседневной социально-экономической действительностью.

Ключевые слова: спекуляция, нетрудовая деятельность, приписки, подпольное производство, теневая экономика, взяточничество.

Современные российские эксперты и их зарубежные коллеги осуществляют порой многобюджетные исследования, выявляя соотношение легального и незарегистрированного секторов в национальной экономике того или иного государства. Делается это для того, чтобы просчитать, какой ущерб наносится обществу, когда финансовые средства, вращающиеся в тени, не пополняют госбюджет налоговыми отчислениями. При всей политической, социально-экономической и, наконец, научной важности получаемых данных о незадокументированных хозяйственных отношениях точный язык цифр не всегда дает возможность реконструировать повседневную деятельность тех, кто избегает контроля фискальных органов. Особенно это касается советской эпохи, сведения о которой в разрезе отдельно взятых регионов весьма отрывочны и обобщены.

Особое место в истории XX в. занимает эпоха Хрущева. Она не только положила начало постепенному морально-психологическому раскрепощению населения, когда в обществе отказывались от спартанского образа жизни, символом которого был Сталин с его несменным френчем, аскетизмом и показной неприхотливостью в быту, но и воплощалась в другой противоположности – активизации несанкционированной хозяйственной деятельности.

Данный процесс в большей степени был бессознательной защитной реакцией из-за явного наступления усталости от травмирующего общество сакрализованых коммунистических мифов, символов, сверхстатичности пропагандистской лексики сталинского типа и, соответственно, поиска противоположности. Поэтому неудивительно, что стала возникать

генерация людей, пытавшихся извлечь личную выгоду из превратностей социалистической плановой экономики, в частности, нелегальным путем «наживавшихся». Явное нежелание всю свою сознательную жизнь «считать копейки» способствовало укоренению подпольной инициативы по пошиву одежды на дому, ремонту бытовой техники, квартир, мотоциклов, оказанию частным образом медицинских услуг и т.д. Однако стремление к комфорту было сопряжено с риском для продавцов и потребителей «левых услуг» оказаться в рядах уголовных элементов, грубо «попирающих» устои социалистического общежития.

Освоением различных, в том числе и явно криминальных экономических ниш, «комбинаторы» значительно отличались от большей части советского общества, жившей от зарплаты до зарплаты. Фактически «махинаторы всех мастей» в погоне за нелегальными доходами, позволявшими разрешить проблему постоянного отсутствия денег, а также значительно увеличить потребление материальных благ, недоступных массе рядовых граждан, исподволь отторгали безнадежное социалистическое настоящее, малоэффективный мир плановой экономики, за счет которого они, однако, «сколачивали паразитические капиталы».

Тем не менее, либерализация жизни, в том числе и хозяйственной, порождала несколько отличные от сталинской эпохи правила поведения «дельцов». Незаконно обогащавшиеся, пуская теневые заработки в ход, выходили за пределы укоренившейся социалистической стандартизации в быту, в образе жизни, поведении, демонстрировали порой власть денег, решая в свою пользу нужные вопросы в различных партий-

но-хозяйственных ведомствах. Феномен «подпольных элементов» хрущевских времен состоял еще и в том, что они руководствовались принципом, что лучше быть пойманным, отсидеть, спрятав от конфискации «наворованное», чем увязнуть в плену советского прозябания. Этим они отличались от «ловкачей» 1930–1940-х гг., которые, как правило, боролись за выживание. В условиях послабления командного администрирования за хозяйственные проступки уже не расстреливали и надолго в лагеря не отправляли, как раньше. В судах начали брать взятки, «свои люди» в милиции покрывали, парткомы, нередко спасая от возмездия правосудия «погоревшего» на экономических преступлениях коммуниста, из партии его не исключали, т.е. из жизни не вычеркивали [1].

Произрастание «деляг» порождало в советском унифицированном социуме разнообразие самых различных мнений – от критических до восхищенных – «вот умеют же жить люди», что сотрясало общественный консенсус. На обыденном уровне фиксировались создаваемые молвой образные картины, ослеплявшие обывателей яркостью жизни тех, кто, «живя не на одну зарплату», тем не менее, комфортно ощущал себя при распределительно-раздаточном социализме. Простых людей, добывавших в вечных очередях продукты питания и промтовары, ввергала в явное уныние не столько «сытая» повседневность отдельных «хапуг», сколько идеализация пропагандистской машиной «счастливой» жизни трудящихся в СССР. Навязываемая обществу мифическая установка, не отвечая действительности, вызывала протестное раздражение, постоянно фиксируемое местными парторганами: «у нас давно нет ни свободы слова, ни правды, одна ложь и лицемерие»; «семьи живут у нас впроголодь»; «жить хуже, чем при царском режиме»; «рабочим все хуже и хуже живется, пора говорить правду»; «оттого, что мы кричим о коммунизме по радио и в газетах, мы от этого сытыми не становимся» [2].

Какие бы профилактические меры не предпринимались властями по нейтрализации недовольства населения и искоренению «махинаторов», попавших в поле зрения правоохранительных органов, государство уже было не в состоянии противостоять укоренявшейся тенденции возрастающего потребительства советского типа, вещизма, отторжения вечного существования по типу «секонд хэнд», когда младшие дети донашивали одежду старших, а детские игрушки делали из старого тряпья и т.д. Поиск лучшей доли, шедший рука об руку с постепенно набравшим обороты в хрущевские времена консьюмеризмом, толкал порой «делать левые деньги» любыми путями, чтобы заполучить вожаемый по советским меркам высокий стандарт жизни.

Достаточно быстрое распространение хозяйственного зазеркалья в период Хрущева постепенно вело к размыванию массового сознания, которое многие годы усиленно формировалось властями путем уко-

рения в обществе стоического образа жизни, подразумевавшего удовлетворение минимальных жизненных потребностей. Поэтому, безусловно, медленными темпами, происходили подвижки в изменении социальных представлений советских людей, которые, выходя за рамки прежних ограничений и довольства скромным бытом, стали объективированными во многом из-за нескрываемых, а иногда тщеславно демонстрируемых «удачливыми согражданами» своих артефактов. Дефицитные швейные машинки, ламповые радиолы, комплекты мебели, добротная одежда, мотоциклы, автомобили и т.д. рассматривались незримым мерилом успеха, достижение которого чаще всего обеспечивалось близостью к «материальным благам» или деловой хваткой.

Предпринимательской жилкой отличались продавцы уфимского «толчка» (Красноярский рынок), за которыми постоянно следила милиция, пытаясь пресечь торговлю новыми вещами. Реализация на «толчке» запрещенных товаров шла настолько бойко, что только за первое полугодие 1955 г. к административной ответственности было привлечено 2 766 чел. [3]. Те, кого в милицеских сводках называли «штатными обитателями толчка», являлись предшественниками современных мелких торговцев. Одним из подпольных коммерсантов был рабочий уфимского лесозавода М.А. Ахмадеев, специализировавшийся на продаже валенок, мужских брюк и шапок. Как правило, дефицитные товары скупались у «доверенных продавцов» в магазинах, а также у граждан, пришедших на «толчок» реализовать единственный товар. Основателем семейного бизнеса, в который негласно были вовлечены и наемные работники, являлся нигде не работавший И.П. Елпаев. Предпримчивый нелегальный бизнесмен, реализуя товары широкого потребления, вместе с братом и двумя помощниками установил прочные связи с кустарями-нелегалами, нашел выход на поставщиков из Москвы и других городов страны. Подпольная деятельность И.П. Елпаева была столь успешна, что он купил два дома в Уфе и «много ценных вещей». Оборотистым дельцом показал себя В.М. Муратов. Вместе с женой и тещей он поставил на поток пошив верхней одежды, которая постоянно пользовалась спросом на рынке. Материал для изготовления пальто систематически закупался в районных сельпо республики и в других городах СССР. Бизнес Муратовых приносил ощутимые дивиденды, позволив быстро решить квартирный вопрос: ими был приобретен добротный дом в Уфе [4].

В ноябре 1956 г. МВД Башкирской АССР внесло в обком партии предложение закрыть «толчок» в Уфе, который считался «рассадником» криминальных элементов. Работавший два раза в неделю рынок был одним из немногих мест, где можно было купить новые остродефицитные вещи, а также продукцию ремесленно-кустарного производства. В обкоме партии инициативу милицеского начальства не поддержали. Партийные начальники отчетливо понимали, что

уничтожение рынка вызовет социальное напряжение в обществе. Более того, когда МВД БАССР попыталось действовать в обход обкома и решить вопрос в Москве, республиканские партбонзы пригрозили наказать местное милицмейское начальство по партийной линии за излишнюю инициативу [5].

Все кто попадал на «толчках» на заметку компетентных органов, рассматривались не иначе как «дельцы и спекулянты», уклонявшиеся от общественно-полезного труда [6]. Особенно бурно «пропесочивали» засветившихся на «толчках лодырей» на сельских сходах. Праведный гнев передовиков производства колхоза «Завет Ильича» села Белозерка Оренбургской области, призывавших «объявить всякого рода тунеядцам беспощадную борьбу», был направлен против колхозников, которые иначе как «сорняками» не называли. Порицаемые селяне, конечно, не занимались мошенничеством, попрошайничеством, вымогательством и т.д. Вся их вина заключалась в том, что они большую часть времени посвящали надомной работе. Производство валенок и их сбыт давал намного больше дохода, чем работа в колхозе [7].

«Зажиточных проходимцев», не желавших от зари до зари работать на общем поле, находили и в других деревнях. В сельской глубинке, где надзора и рычагов воздействия на «отлынивающих» от общественно-полезного труда было меньше, существовал своеобразный слой деревенских «отказников». В конце 1920-х – начале 1930-х гг. за способ ведения хозяйства, общий уклад жизни и материальное благосостояние их однозначно называли бы кулаками. В совхозе «Россия» Белозерского района Оренбургской области суровой общественной критике подверглась семья Маляевых. Мало работая в совхозе, они все свободное время тратили на личное хозяйство и рыболовство. В вину Маляевым ставилось большое хозяйство, состоящее из коровы, 30 овец, огромного числа птицы и прочей живности, которую они с выгодой реализовывали желающим и поэтому «жили припеваючи» [8].

Помимо «толчков» нелегальная деятельность процветала на рынках крупных городов страны, где прочно освоились «колхозники» из южных республик СССР. Посланцы юга, имея липовые справки о собственноручно выращенной сельскохозяйственной продукции, фактически были замаскированными коммерсантами. Во многом благодаря их деятельности, хотя и по рыночным ценам, удовлетворялась потребность населения в «дарах юга»: овощах, фруктах, цветах, которые невозможно было купить в государственной торговле. «Колхозники-южане», становясь негласными королями рынков, вели бурный образ жизни, который вызывал раздражение окружающих. Наличие более чем достаточного количества денег позволяло 11 посланцам из Грузии месяцами жить в одной из самых лучших гостиниц г. Уфы «Башкирия». Простым смертным попасть в эту гостиницу, с вечной табличкой на стойке администратора «Мест нет», бы-

ло практически невозможно. Проживание «южан» сопровождалось чуть ли не ежедневными застольями в недешевом ресторане гостиницы [9]. Кроме продавцов, торговавших в розницу, были деятели, которые реализовывали продукцию оптовыми партиями. Уфимский коопторг в нарушение всех существовавших правил закупил осенью 1955 г. за наличный расчет 35 тонн арбузов у приехавшего с юга «колхозника», периодически сотрудничал с посланцами Грузии, выплачивая им от 100 до 173 тыс. руб. [10].

Особенно широкий размах различные махинации получили в государственной торговле, тем более что к середине 1950-х гг. часть торговых работников совершенно не угнетал страх неизбежности возмездия. Во многом этому способствовало формирование среди работников прилавка аморального типа мышления: «не обманешь, не проживешь», «если имеешь деньги и связи, то откупишься». «Белоручки» или бежали из торговли, прогорев на «организованной» недостаче, или принимали установившиеся правила игры. А они были суровые: хочешь работать – обсчитывай и делись с вышестоящим начальством. Мироззрение у некоторых работников торговых организаций сформировалось такое, что обман потребителей рассматривался как средство избавления от собственного прозябания и создания комфортной жизни, насколько себе это могли позволить «торгаши» в СССР.

Раем для получения теневого дохода явились лавки и магазинчики районных союзов потребительских обществ. Во многом извлечению «навара» способствовала утверждаемая работниками райпотребсоюзов среди сельских жителей, исторически менее претенциозных, чем городские потребители, порочная по своей сути идея – «радуйтесь тому, что есть, иначе и этого не получите». Основной «барыш» как в стационарных, так и передвижных лавках райпотребсоюзов получали на завышении цен. «Рисовать ценники» по своему усмотрению было легче в «медвежьих углах», где на корню скупалась отсутствующая в лавках месяцами продукция, например, соль, керосин, хозяйственное мыло и т.д., которую селяне не могли изготовить в домашних условиях. Райпотребсоюзы, зная о проделках завмагазинов с ценами, закрывали на это глаза. Все списывалось на реально тяжелые условия труда сельских продавцов в неприспособленных зданиях-развалюхах, небольшую зарплату, высокую материальную ответственность.

Достаточно простую схему, ставшую золотой жилой, разработали в Пермском райпотребсоюзе. Покупка у населения сырья и сельхозпродукции осуществлялась за наличные деньги. Выписываемые расчетные квитанции не являлись документами строгой отчетности. Заготовители постоянно выдавали квитанций больше, чем реально закупали продукции, а образовавшуюся разницу в деньгах присваивали. Недостачу товаров списывали на порчу, естественную убыль и т.д. [11]. Умело уводили «жуликов» от возмездия, тщательно запутывая бухгалтерскую отчет-

ность, в системе райпотребсоюза Оренбургской области. Учет материальных ценностей и деятельность ревизионного аппарата были поставлены таким образом, что удавалось скрывать растраты на сотни тысяч рублей. Когда проверяющим органам удавалось схватить продавцов сельмагов «за руку», начинала действовать операция прикрытия. Материалы на засветившихся работников для передачи в следственные органы оформлялись специально небрежно и сознательно отправлялись в прокуратуру с большим опозданием, что позволяло взятым в разработку деятелям райпотребсоюза, выиграть время и избежать наказания [12].

Настоящая вольница процветала в магазинах ОРСов, находившихся, как правило, в ведении леспромпхозов, железной дороги, предприятий черной и цветной металлургии и прочих ведомств, которым в силу специфики их работы нужны были торговые точки в отдаленных пунктах или труднодоступных местах. В Каркалайском ОРСе Удмуртской республики в 1959 г. использовали схему, очень похожую на откат. Руководство ОРСа систематически закупало у частных лиц по явно завышенной цене овощи, имея лучшие предложения от оптовых поставщиков, готовых к тому же доставить товар прямо заказчику. Изначально завышенные по объему закупки в частном секторе за «наличный расчет» абсолютно не отвечали потребностям в приобретаемых продуктах. В итоге невостребованная сельхозпродукция, на покупку которой были выделены существенные денежные средства, гнила на складах [13].

Неприкасаемыми торговыми небожителями чувствовали себя в своем удельном княжестве и сотрудники крупного железнодорожного ОРСа НОД-4, имевшего на Урале развитую сеть магазинов. В 1962 г. книги жалоб пестрели записями о грубости продавцов, «намертво сидевших» на продаваемых с перебоем макаронных изделиях, крупах, жирах, «куреве», а также о самовольном распоряжении крайне дефицитными кондитерскими изделиями, сахаром, белым хлебом, приобретаемыми в огромных очередях [14].

Особенно преуспели в хищениях материальных ценностей в крупных размерах сотрудники Стерлитамакского торгового центра. Отдельные «умельцы», пользуясь несовершенством нормативной базы, в которой не была четко прописана система индивидуальной материальной ответственности, учета и контроля хранимых товаров, проверки персональных данных вновь принимаемых сотрудников, длительное время безнаказанно обогащались за государственный счет. Так, даже не стоит строить догадок, каким образом заполучил свое «хлебное место» экспедитор Е., на чье явно запятнанное прошлое бдительные кадровики закрыли глаза. Е., уволенный за хищение продуктов из органов МВД, мастерски наловчился подделывать документы, договариваться с проверяющими, что позволило ему годами избегать ревизий и безнаказанно присваивать «солидные» денежные средства [15].

Надежным патроном для директора хозрасчетного магазина г. Уфы оказался его непосредственный начальник – директор Уфгорпромторга Омеров. Серьезные неприятности возникли у директора магазина в апреле 1955 г. После неожиданной проверки Госторгинспекции руководителя торговой организации обвинили в связях «со спекулятивными элементами». Омеров, уводя подчиненного от инкриминирования ему уголовно наказуемых «корыстных деяний», представлял его ударником социалистической торговли, который достоин поощрения, а не наказания. Обнаружение припрятанных крайне дефицитных в ту пору 294 пар валенок и особенно 700 пар кирзовых сапог объяснялось не чем иным, как специально забронированным товаром для «отъезжающих на целинные земли». Вмешательство главы Уфгорпромторга Омерова помогло директору не только избежать общения с органами правосудия, но и сохранить свою должность [16].

Тщательно скрывали в Уфгорпромторге проступки в подведомственных организациях руководителей-коммунистов, которых вообще было крайне мало в системе Минторга. За систематическое пьянство, растраты, разложение трудовых коллективов, погрязших в связях со спекулянтами, директоров магазинов, как правило, тихо переводили по «собственному желанию» в родственные структуры, например, в Башпотребсоюз или торговую сеть других городов республики. При этом недостатки списывались, а в партийных документах и обязательных сплошь положительных деловых характеристиках, соответственно, не говорилось об истинных причинах смены места работы [17]. Перебрасывались с одного места на другое без каких-либо оргвыводов «провинившиеся кадры» и в Городском управлении торговли Свердловска [18].

При, казалось бы, существовавшем в стране тотальном надзоре за кадровым составом предприятий в эпоху Хрущева постепенно стала распространяться семейственность. Царьки-хозяйственники, плодя кумовство, словно в насмешку выдавали его за «трудо-вые династии». Урезонивая отдельных «крикунов» они утверждали, что в рамках одной организации по семейной линии передаются «лучшие опыт и умения». Буквально одними родственниками, друзьями и знакомыми окружил себя управляющий Башкирской конторы «Главвторсырье». При приеме на работу «протее» совершенно не брался в расчет опыт прежней деятельности, образование или хотя бы элементарное знание того, что предстоит делать, не говоря уже о моральных качествах претендента на должность. Пропуском на получение места являлась личная преданность управляющему, который целенаправленно избавлялся от опытных работников, мешавших «делать левые деньги». В обмен на полную лояльность, «хозяин» всячески поддерживал, а при случае уводил от уголовной ответственности своих ставленников. Когда один из ближайших родственни-

ков управляющего присвоил в Уфимской конторе «Главторсырье» 3 000 руб., вместо передачи материалов в прокуратуру его срочно назначили заведующим складом республиканской конторы. Чувствуя полную безнаказанность, новоявленный завскладом устроил дебош, который на этот раз замять не удалось, и дело закончилось судом и годичным тюремным сроком. После «отсидки» управляющий определил своего родственника агентом в Ишимбайскую контору «Главторсырье», где тому вскоре предоставили еще и квартиру [19].

Создавший «спаянную команду» и живущий на широкую ногу, руководитель Башкирской конторы «Главторсырье» был любителем увеселений, однако бесконечно богатые застолья требовали немалых денег. Вынужденными «спонсорами», у которых систематически вымогались средства, становились заготовители, управляющие низовых контор и все, кто не хотел лишиться хорошего к себе расположения высшего уфимского начальства. Тем, кто принимал сложившиеся правила игры, создавались привилегированные условия для работы, выделялись «в неограниченном количестве» средства для закупок, определялись лучшие участки для заготовок, выписывались премии и прогрессивки. Соответственно, в обмен за покровительство часть выручки шла «наверх». С «непонимающими» элементарно расправлялись: увольняли, а особо строптивым создавали невыносимые условия работы. «Бизнес» делался не только на денежных подношениях подчиненных. Значительную материальную выгоду давала спекулятивная реализация дефицитных товаров, по лимиту выделяемых для стимулирования заготовок среди селян [20].

«Значительные деньги» в эпоху Хрущева извлекались «ловкачами» в провинциальных хозяйствующих субъектах. В глубинке и контроль был слабее и взаимовыручка была сильнее. Местечковое сознание играло важную роль в защите «своих», если те попадались на хозяйственных правонарушениях. Государственная триада (милиция, прокуратура и суды), территориально располагавшаяся в районах, порой особенно сдержанно реагировала на сигналы, которые поступали на «начальников районного масштаба». Следственные органы в таких случаях вели расследования крайне медленно, прокуратура отказывала в возбуждении уголовных дел, а суды выносили удивительно мягкие приговоры.

Безрукой оказалась фемида Бурзянского района БАССР, уличившая в конце 1955 г. в растрате 152 тыс. руб. местного руководителя ОРСа. Горой встали на защиту своего назначенца в районном комитете КПСС. Конечно, не обошлось без партвызыскания, но его не исключили из партии и тем самым спасли от уголовного преследования. Через некоторое время бывший начальник ОРСа, сохранивший заветный партбилет, пошел на повышение, заняв «лакомую» должность заведующего торговым отделом Бурзянского райсовета [21]. Фактически отделался испугом

начальник Улú-Теля́кского ОРСа: вместо уголовного преследования и суда его за массовые растраты, хищения и злоупотребления служебным положением всего лишь сняли с работы [22]. За аналогичные преступления лишились должностей, но остались на свободе управляющий межобластной конторы «Главскоткорм», председатели артелей «Инвалид-кооператор» и «Красная охрана», директор спиртзавода и многие другие [23].

В Мечетлинском районе мало того, что дела всех коммунистов-растратчиков местных кооперативных организаций рассмотрели исключительно в гражданском порядке, так последние еще отказывались исполнять решение судебных органов и возмещать «нанесенный ущерб». Отдельных деятелей, чтобы их не трогали судебные исполнители, первичные партийные организации переводили из кандидатов в члены КПСС. В других случаях «растратчиков кооперативной собственности» демонстративно избирали делегатами партийной районной конференции, что равнозначно было оказанию им со стороны парторганизации особого доверия. Тех, кого не удавалось надежно защитить, быстро снимали без оргвыводов с партийного учета и позволяли «выехать из района» [24]. Партийные органы, покрывая «махинаторов», фактически мирилась с делячеством «нужных» хозяйственников, услугами которых при распределительной экономике постоянно приходилось пользоваться и самим партаппаратчикам.

Причины столь вопиющего, если не сенсационного для социалистических времен «крышевания» парторганами, милицией, прокуратурой и судами районного масштаба некоторых выявленных «махинаторов» кроются, во-первых, в феномене провинциального традиционализма. В отношении отдельных, прежде всего, социально значимых по районным меркам фигур (находившихся, как правило, при дефиците), мощно срабатывала исторически сложившаяся на периферии круговая порука и взаимопомощь. Выше «социалистического правопорядка» в сельской местности оказывался институт личных связей, дружбы семьями, знакомства, признания и почитания дальних родственников, национального кумовства, тесной жизни «друг у друга на виду» и т.д.

Во-вторых, порой у высокопрофессиональных и преданных делу специалистов не было сил, средств, возможностей и в отдельных случаях полномочий для того, чтобы масштабно противодействовать, а тем более искоренять тотально обрушившуюся напасть: хищения, растраты, приписки, взятки, подкуп должностных лиц и т.д. Правоохранительные органы, отсекая голову очередной гидре, вместо которой ментально вырастало множество других, отчасти боролись с ветряными мельницами. Желавших «красиво жить» было намного больше, чем у государства возможностей выявить всех «дельцов» и всем поголовно воздать по заслугам. Начни стопроцентно действовать принцип неотвратимости наказания, пришлось бы

сажать торгами, магазинами, ресторанами, базами и т.д. При всех возможных ухищрениях (взятки, друзья, знакомые, покровители в парторганах), которыми пользовались махинаторы, в правоохранительных органах отчетливо осознавали, что разразилась настоящая эпидемия индивидуально-группового обогащения.

В-третьих, в самой правоохранительной системе стали появляться первые «оборотни в погонях», небескорыстно разваливавшие дела.

Несвойственный им либерализм, особенно когда дело касалось имущей по тем временам публики, демонстрировали порой советские суды, известные своей репрессивно-карательной направленностью. Так, должностное лицо столовой № 4 г. Уфы, некто С. не смог объяснить отсутствие на момент проверки 13 625 руб. Случай присвоения денег был столь вопиющим, что районный суд приговорил С. к трем годам лишения свободы и погашению недостачи. Прокурор района внес протест, считая приговор слишком мягким. Решение суда в законную силу не вступило, подозреваемый остался на свободе. Через несколько месяцев суд вторично подтвердил прежнее решение, однако прокурор его снова опротестовал. В Верховном суде БАССР приговор вообще отменили и отправили на новое рассмотрение другому составу районного суда. В итоге дело прочно застряло на судебной стадии, периодически назначаемые слушания по «неизвестным причинам» постоянно переносились в течение нескольких лет. В конце концов С. осужден не был, имущество не было арестовано и присвоенные им деньги не возвращены [25].

Народный суд Орджоникидзевского района г. Свердловска весной 1955 г. рассматривал дело экспедитора одной из заготовительных организаций, которого поймали с поличным на перепродаже сена. При совершении разовой махинации Р. получил левый доход в размере 2 400 руб., скупив сено по твердой закупочной цене и реализовав по рыночной. Суд, не «установив» в действиях заготовителя фактов, которые бы свидетельствовали об извлечении им «прибыли», вынес оправдательный приговор. Решение суда было опротестовано прокуратурой, но через некоторое время отозвано [26]. Можно только строить догадки, по каким причинам именно в отношении ухитрившегося заработать за один раз 2 400 руб. тайного коммерсанта правосудие оказалось столь благодушным, ведь зарплата сотрудников органов правопорядка составляла от 525 руб. до 1 790 руб. в месяц [27].

В секретном докладе, направленном в марте 1955 г. начальником управления Министерства юстиции РСФСР по Свердловской области Куксовым в обком партии, отмечались тревожные тенденции коррумпированности правоохранительной системы, «когда лица, виновные в совершении уголовных преступлений, или вовсе не привлекаются к ответственности или дела в отношении них прекращаются без достаточных оснований» [28].

Однако не должно создаваться впечатление, что в период оттепели сложился некий обширный клан неприкасаемых. В тех случаях, когда из-за массового обращения граждан в вышестоящие инстанции невозможно было скрыть факты организации руководителями коллективных пьянок в рабочее время, вопиющие факты назначения проштрафившихся «нужных людей» на доходные должности, факты массового вымогательства денег у подчиненных и присвоения в «огромных размерах» социалистической собственности, виновных исключали из партии и отдавали под суд [29].

Так, в 1958 г. погорел на взятке директор подсобного хозяйства ОРСа Нижне-Туринской ГРЭ Свердловской области, за мзду в 1 400 руб. отпустивший лес снабженцу из Дагестанской АССР. Не пошли на пользу директору Режевского леспромхоза 3 000 руб. и ответственному за отправку грузов Режевского райпромкомбината 2 000 руб., полученные от заготовителя леса для колхозов А.П. Войтовича. Оба разоблаченных взяточполучателя не только без очередей и в нарушение существовавших правил отпустили А.П. Войтовичу лес, но и предоставили ему 16 «порожних вагонов», которые другие снабженцы ожидали неделями [30].

С треском был снят с работы, исключен из партии и осужден директор Магнитогорского стекольного завода Л., «разбазаривший» 20 тыс. руб. Правда, «возмездие» настигло его только благодаря жалобе, посланной «доброжелателями» в ЦК КПСС. Под горячую руку начавшихся проверок попал директор одного из магазинов Магнитогорска Ч. Его также исключили из рядов КПСС и «дали срок», инкриминировав покрывательство растратчиков и присвоение денежных средств. Следующей жертвой стал экспедитор-кладовщик артели «Металлист» А., у которого обнаружилась недостача 115 тонн крайне дефицитного по тем временам кровельного железа. Наказание последовало немедленно: исключение из партии и передача дела в суд. Замкнул череду громких дел народный судья Н., пойманный на взятках, его сняли с работы и завели на него уголовное дело [31].

На одном из закрытых заводов («ящиков») г. Уфы слаженно действовали 10 чел., которые до их разоблачения районной прокуратурой получили теневой доход более одного миллиона рублей. В данном случае прокуратура проявила просто неистовую ретивость по разоблачению «ворюг», которых Верховный суд БАССР осудил на длительные сроки заключения. Теневая деятельность данной категории подпольных дельцов приравнивалась к катастрофе. Она разразилась не среди привычных «торгашей», у которых «ничего святого не осталось». «Чрезвычайное происшествие» произошло в святая святых социалистической плановой экономики – на одном из крупнейших и технологически передовых в СССР предприятий оборонного значения [32].

В социалистическом обществе, изначально как бы не предусматривавшем наличие питательной среды для частной инициативы, все чаще стали обнаруживать процветающие «преступные группы». Под началом директора Мелеузовского деревообрабатывающего комбината М. и его заместителя П. действовали 13 чел., «нагревшие» государство на 1 млн. 230 тыс. руб. Более скромным оказался нелегальный приработок расхитителей с Чешмагушского птицекомбината. Директору М. и его семерым сподручным удалось «пожиться» 300 000 руб. [33].

«Отъем денег» у государства осуществлялся и с помощью приписок, широко практиковавшихся в строительных организациях, которые еще на этапе составления смет (под них открывалось финансирование в банке) в несколько раз завышали объемы выполняемых работ. В банках существовала специальная команда ревизоров, обязанная производить экспертизу документации. Однако, обнаружив приписки, ревизоры, вместо того чтобы передавать материалы в следственные органы, явно не бескорыстно закрывали на них глаза [34]. Завышали план, стремясь получить прогрессивку, даже торговые организации, в которых использовали массу других приемов для извлечения теневой прибыли и, прежде всего, за счет обмана покупателей. В ресторане «Металлург» г. Кыштыма искусственно увеличили оборот продаж, продав муку на 30% выше розничной цены и оформив по документам как реализацию выпечки через буфет. Такая нехитрая операция позволила директору ресторана и его замам получить премию [35]. К началу 1960-х гг. приписки приняли по стране настолько массовый характер, что пришлось принимать закон, карающий за приписки. Отныне они стали рассматриваться как один из видов должностного подлога [36].

Настоящим эльдорадо по извлечению нелегального дохода для нарождавшегося в конце 1950-х г. слоя цеховиков стали «карликовые предприятия местной промышленности». Очень часто маленькие заведения располагались в крайне непрезентабельных зданиях-развалюхах, имели примитивное оборудование, небольшой штат сотрудников, особую атмосферу дружной производственной семьи, не выносившей сор из избы на обсуждение профкома или парткома. Именно в таких сплоченных коллективах и ковались пронырливыми руководителями целые состояния. Преимущество «малышей» перед заводами или фабриками состояло в том, что они сплошь и рядом работали без «производственного плана», сырьем по разнарядке не обеспечивались, выпускаемую продукцию не учитывали. Немыслимое для других предприятий хозяйственное раздолье позволяло проворачивать коммерческие сделки с левой продукцией, деньги от продажи которой присваивались [37].

Партийные чиновники, конечно, не ставили под сомнение, что противоправные действия во многом вызваны недостатками командно-административной системы. С конца 1950-х гг. по мере явного роста не-

легальной экономической деятельности стала срывать годами сложившаяся советская практика поиска виноватого. При Сталине все просчеты, неудачи и откровенные провалы автоматически списывали на «врагов народа». В период Хрущева, с началом пандемии воровства, приписок, мошенничества, взяток и прочего, мишенью для критики стала ОБХСС. Среди сотрудников данного ведомства моментально обнаружались пьяницы, неквалифицированные специалисты, морально разложившиеся личности, сами замешанные в воровстве и т.д. [38]. На самом деле факты употребления на рабочем месте алкоголя, непрофессионализма, мздоимства и т.д. были и в других госучреждениях и партийных органах. Традиционно был использован дежурный набор доказательств, всецело объяснявших, в чем корень зла, – в некомпетентности ОБХСС. Действительно, значительная часть подразделений ОБХСС, особенно в сельских районах, не располагала «культурными и грамотными» кадрами. Среди тех, что имелись в штате, единицы были со средним образованием. Им явно было не под силу распутывать сложные и специально придуманные схемы увода денег.

Безусловно, правоохранительные органы не сидели сложа руки. Они профессионально совершенствовались, подбирали новые кадры, постепенно набирались опыта и умения. Как огромный успех воспринималось раскрытие ряда дел, тщательно скрываемых от общественности. Оренбургские сыщики в середине 1961 г. обнаружили не одну группу махинаторов, где ведущие роли играли коммунисты. Первой ласточкой стали «окопавшиеся» в Оренбургском горпищеторге «аморальные личности», растратившие более 12 тыс. руб. «нового номинала» [39]. Оперативники были ошеломлены, когда напали на «группу дельцов» комбината кожгалантерейных изделий Оренбургского управления местной промышленности: мало того, что из 14 чел. – 7 было членами КПСС, нелегальное содружество так умело поставило дело, что часть фабрично выделанной кожи и различных полуфабрикатов, минуя учетчиков, прямо попадала на тайный склад. «Неоприходованная» продукция, находясь в полном распоряжении теневых дельцов, сбывалась по налаженным каналам кустарям. Выявленный доход группы за один лишь 1962 г. составил невообразимую для обывателя сумму – 44 000 «новых рублей» [40].

В целом прокуратурой и милицией Оренбургской области за первое полугодие 1961 г. только по линии Облпотребсоюза, управления торговли и ОР-Сов удалось вскрыть хищения на 216 200 деноминированных рублей [41]. На данную сумму можно было приобрести 42 машины Волга ГАЗ-21, являвшейся символом советской роскоши. Проведение устрашающих акций по привлечению к уголовной ответственности 277 чел. и досудебное изъятие имущества у подозреваемых позволило вернуть государству 206 000 деноминированных рублей [42]. Казалось бы, победа налицо: зло наказано, правда восторжествова-

ла. Однако любой здравомыслящий партийный управленец понимал, что это только часть правды, так как речь шла о раскрытых махинациях. В партийных структурах никто и никогда не производил каких-либо расчетов и тем более не давал заданий определить истинные размеры получаемых дельцами теневых доходов. Не отважились бы партийные бонзы на введение такой крамольной практики в условиях пропагандируемого «торжества социализма».

Таким образом, плановая экономика, задохнувшаяся под натиском растущего советского потребительского общества, оказалась неспособной помочь простым гражданам вырваться из порочного круга нужды, очередей и вечной нехватки продуктов питания и «промтоваров». Повышенный спрос на отсутствовавшие в свободной продаже товары порождал идеальные условия для всякого рода делячества.

Использование различных путей, способствовавших личному обогащению, было в эпоху хрущевских перемен не чем иным, как спонтанным, с явно противоправным уклоном бессознательным неприятием эгалитаризма – утверждаемой советской властью идеи равенства, уравнительности, стоицизма для основной массы населения страны, не попавшей в номенклатурную обойму. Жажда материальных благ и денег, получаемых нелегальным путем, являлась одним из изощренных проявлений культуры бедности, для которой, конечно, характерна не только вечная нехватка денег, советская привычка ужаться, сократить потребление, быть скромным в быту, одежде, запросах. Ограниченность в материальных средствах, являясь отличительной чертой культуры бедности, порождала установки, ценностные ориентиры, модели поведения и уровень притязаний нарождавшихся «хрущевских богатых»: продавцов, официантов, товароведов и т.д., становившихся первопроходцами утверждения нового послевоенного стиля – благополучия жизни по-советски.

В целом спекулянтов, первых подпольных «цеховиков», махинаторов из числа работников торговли, а также различного ранга партийно-хозяйственных руководителей времен Хрущева, можно назвать пионерами теневого бизнеса, не только прочно пустившими корни в недрах социалистического строя, но и постепенно сформировавшими полуавтономные криминальные экономические минисообщества. Набивавшее обороты с кон. 1950-х гг. нелегальное извлечение дохода, словно спрут распространявшееся в недрах советской экономики, постепенно раскачивало командно-плановую вертикаль, невольно закладывая

самые первые кирпичи для постплановой структуры, способной ее заменить.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Нелегальная экономическая деятельность на Урале в 1953-1964 гг. (анализ и систематизация рассекреченных документов)», проект № 10-01-00049 а.

ЛИТЕРАТУРА

1. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 58. Д. 196. Л. 107–108; ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 1393. Л. 3. Д. 1959. Л. 25.
2. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 21. Д. 96. Л. 30, Оп. 23. Д. 93. Л. 16; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 53. Д. 112. Л. 56; ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 18. Д. 222. Л. 20, Ф. 7518. Оп. 1. Д. 76. Л. 30.
3. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 33. Д. 204. Л. 167.
4. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 33. Д. 204. Л. 167.
5. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 33. Д. 204. Л. 163.
6. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 20. Д. 1365. Л. 6–7.
7. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 20. Д. 1365. Л. 8.
8. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 20. Д. 1365. Л. 9.
9. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 1959. Л. 24.
10. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 2178. Л. 96.
11. ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 22. Д. 131. Л. 88.
12. ЦДНИОО. Ф. 317. Оп. 17. Д. 1131. Л. 40, 44.
13. ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 8414. Л. 7.
14. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 20. Д. 162. Л. 4, 12, 14.
15. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 2178. Л. 113; Д. 2174. Л. 30–32.
16. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 1912. Л. 112.
17. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 1601. Л. 37.
18. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 58. Д. 196. Л. 80.
19. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 891. Л. 32–33.
20. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 891. Л. 34.
21. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 2178. Л. 53.
22. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 2178. Л. 53.
23. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 891. Л. 35.
24. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 33. Д. 203. Л. 2 об.
25. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 2178. Л. 63.
26. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 54. Д. 107. Л. 71.
27. Хазиев Р.А. Будни зазеркалья социалистической экономики хрущевских времен // Вестник Башкирского университета. 2011. № 3. Т. 16. С. 880.
28. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 54. Д. 107. Л. 71.
29. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 891. Л. 33.
30. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 58. Д. 198. Л. 21.
31. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 17. Д. 145. Л. 189–190.
32. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 1939. Л. 7, 13.
33. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 33. Д. 203. Л. 139.
34. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 1067. Л. 76.
35. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 19. Д. 186. Л. 26–27.
36. Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. № 22. С. 225.
37. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 20. Д. 1375. Л. 51.
38. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 1959. Л. 113, 118, 127.
39. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 20. Д. 1375. Л. 34.
40. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 20. Д. 1375. Л. 51; Д. 1478.
41. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 20. Д. 1375. Л. 34.
42. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 20. Д. 1375. Л. 34.

Поступила в редакцию 22.09.2012 г.